

и составитель жития, художник рассматривает чудеса в качестве неопровержимого доказательства святости Алексия, его посмертной славы и жизни нетленной (ведь чудеса — например, исцеление слепой Тайдулы, — которые Алексей творил при жизни, он продолжает совершать и после своей смерти). Из 9 чудес, описанных в житии, Дионисий избирает только три, мысленно как бы соглашаясь с автором текста: «несть бо мощно его исписати святого сего чудодействия».¹²

Изображая чудо о воскрешении мертвого младенца, прозрении слепой жены и выздоровлении хромого чернеца, художник «материализует» словесную агиографическую формулу: святой — «око слепым, нога хромым».

Клейма 1-е, 2-е, 4-е и 5-е исполнены в традиционной манере житийных икон, изображающих рождение, «приведение во учение», пострижение в монахи и поставление в епископы. Подобные эпизоды широко представлены в житийных иконах Николы. Однако Дионисий предельно упрощает и обобщает свои композиции, не перегружая их ни фигурами, ни деталями.

Вот рождение Елевферия — Алексия: на овальном ложе, слегка наклонившись, сидит мать, служанка подает ей сосуд; сидящая в правом углу женщина держит на коленях новорожденного и, готовясь купать его в рядом стоящей купели, пробует правой рукой воду. Центром композиции художник делает сосуд, который держит служанка, и вся сцена приобретает символическое значение, смысл которого раскрывает текст более поздней похвалы: «О великий во святых святителю Христов Алексие, и же из чрева материя освященный божий сосуде (разрядка моя, — В. К.)».¹³ Так бытовой эпизод рождения ребенка приобретает сразу же панегирическое звучание. В то же время естественный жест правой руки женщины, пробующей, горяча ли вода, придает этой сцене глубокую человечность.

Весьма сложная задача встает перед художником в 3-м клейме — изобразить пророческий сон отца, услышавшего божественный глас: «Алексие! что всеу труждаешися? се отसेле будеши человеки лоя!».¹⁴ Этого эпизода жития, предопределившего дальнейшую судьбу героя, Дионисий, естественно, не мог опустить, и он перевел его на язык художественных символов. Художник изобразил спящего мальчика перед шалашом, стоящим среди гор (горы — символ возвышения духа); за шалашом — птицы, попавшиеся в силки; птицы бродят по горам и сидят в кустах (птицы — символ человеческих душ).

Большой простор художнику давал текст жития, сообщавший о том, как Алексей «утолил гнев» злостивого царя Бердибека, который «покушашеся на христианство ити». Алексей же «многу спону приим от безбожных татар, но божиею помощию и пречистыя его богоматере покровом гнев смилив, яко и темь поганым дивитися премудрости его и похвалити разум мужа».¹⁵ Этот маловыразительный текст Дионисий превращает в весьма интересный эпизод: в скромных иноческих одеждах, с книгой в руках предстоит Алексей перед тронном всемогущего хана, окруженного стражей; сопровождающие митрополита бояре держат в руках дары — узорчатые одежды. Ярко-красные одежды хана контрастируют со скромным одеянием митрополита, — это контраст гордости и смирения. Художник утверждает моральную победу смирения над гордостью, наделяя «не-

¹² Великие Минеи Четии (Успенские), 20 мая. ГИМ, Синод., № 994, л. 581.

¹³ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 364.

¹⁴ Великие Минеи Четии (Успенские), 12 февраля. ГИМ, Синод., № 991, л. 419 об.

¹⁵ Там же, л. 420.